

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Сотни тысяч человек постоянно занимаются оздоровительным бегом на стадионах, построенных и реконструированных с помощью доходов лотереи «Спортлото».

● Каждый участник этой популярной лотереи вносит вклад в развитие физкультуры и спорта, помогает спортивному строительству.

● Тиражи лотереи «Спортлото» проводятся по воскресеньям. Билет лотереи участвует в тираже двумя вариантами номеров. Он считается выигрышным, если с результатами тиража совпадут не менее трех номеров в одном из вариантов. Выигрыш — от трех до 10 000 рублей.

● Желаем вам, дорогие друзья, удач в игре, успехов в физкультуре и спорте.

Главное управление спортивных лотерей Спорткомитета СССР

ОГОНЁК

№ 40

1985

Владимир СОКОЛОВ

**ЛЮБОВЬ
КАК
ЛЮБОВЬ**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 40

Владимир СОКОЛОВ

ЛЮБОВЬ КАК ЛЮБОВЬ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

Владимир СОКОЛОВ

Владимир Николаевич Соколов родился в 1928 году в городе Лихославле Калининской области.

В 1952 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Печататься начал в 1948 году в «Комсомольской правде».

Первая книга стихотворений «Утро в пути» вышла в 1953 году в издательстве «Советский писатель». В последующие годы вышли книги «Трава под снегом», «На солнечной стороне», «Смена дней», «Разные годы», «Снег в сентябре», «Стихотворения», «Вторая молодость», «Четверть века», «Избранные стихотворения в двух томах», «Сюжет» и другие.

Переводит стихи поэтов братских республик.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», юбилейной медалью «В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», болгарским орденом «Кирилл и Мефодия» I степени.

* * *

Какое большое счастье
От шума дождя вставать.
В знакомые двери стучаться,
Свои для друзей открывать.

На девушку оглянуться,
Которой не назовешь.
Уехать и вновь вернуться,
И знать, что живешь. Живешь.

Что чувствуешь кожей ветер
И знойную благодать,
Что можешь всему на свете
Хорошее имя дать.

* * *

Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.

Они со мной ночуют
В моем селе глухом.
Они меня врачуют
Классическим стихом.

Звучат, гоня химеры
Пустого баловства,
Прозрачные размеры,
Обычные слова.

И хорошо мне... В долах
Летит морозный пух.
Высокий лунный холод
Захватывает дух.

* * *

Спасибо, музыка, за то,
Что ты меня не оставляешь,
Что ты лица не закрываешь,
Себя не прячешь ни за что,

Спасибо, музыка, за то,
Что ты единственное чудо,
Что ты душа, а не причуда,
Что для кого-то ты ничто.

Спасибо, музыка, за то,
Чего и умным не подделать,
За то спасибо, что никто
Не знает, что с тобой поделать.

ВСТРЕЧА

Шутка. Шубка. Взгляд мерцающий.
Монастырские ворота.
Синий, желтый, белый, тающий
Снег осеннего прилета.

И ряды стволов томительных,
Веток, выглядящих голо,—
Словно сонмы существительных
В ожидании глагола.

РОМАШКА

Московское лето в разгаре.
Отпало цветение лип.
Теперь на любом тротуаре
Их нежных сережек изгиб.

Вот летчик прошел по Ордынке.
Куда и откуда, бог весть...
Вот бабочка, как на тропинке,
Легит на асфальте присесть.

Вот дети флажочками машут,
Как будто мы в мае опять.
И столько на свете ромашек,
Что можно хоть рай загадать.

Недаром вчера на Таганке,
Где пух тополиный парил,
Прекрасной одной гайтянке
Я этот цветок подарил.

* * *

Гербарий сырых тротуаров,
Легчайшие в мире шаги.
Как самый цветной из пожаров —
Волненье листочной пурги.
Березы, акации, клены
Даруют листы, как цветы,
Душе молодой и влюбленной,
Такой же красивой, как ты.
В сплетенье кругов, и полосок,
И звезд, рыжеватых на цвет,
Весенний летит отголосок:
«Ты любишь меня или нет?»
И, не дожидаясь ответа,
Под ветром большой синевы
Твой зонтик лимонного цвета
Уносится в вихре листвы.

* * *

Ученический зимний рассвет.
На окне ледяные подтеки.
Я не знал до шестнадцати лет,
Как бывают пленительны строки.

Из постели на прорубь окна
Я гляжу, не спеша из постели.
У меня есть тетрадка одна,
Для которой нет места в портфеле.

Я портфельчик под мышку возьму,
От зимы воротник побелеет.
Я о том не скажу никому,
Что в тетрадке моей лиловеет.

Вот растет из сугроба метла.
Вот оплывшая наша колонка,
Как задутая свечка, бела
Ото льда, затвердевшего ломко.

Мне отныне спасения нет.
Все, что пройдено, вижу в обломках,
Ученический зимний рассвет.
Тонет улица в ранних потемках.

Я пропал! Но кому объяснишь,
Что она меня вновь отстояла
Этим снегом, свисающим с крыш,
Словно съехавшее одеяло.

Спите, улицы. Спи, календарь!
Через день, виновато сутулясь,
Я скажу, что замазал январь
Белым снегом названия улиц.

И не смог я дорогу найти.
Но в училище был небывалом...
Я ворочаюсь под одеялом.
Я встаю. Надо в школу идти.

У меня есть тетрадка одна.
Там грядущие зреют напасти.
Там каракули, там письмена.
Но хоть лаврами путь разукрасьте,

Хоть наметьте любой юбилей,
Я туда убегу без оглядки,
В тот рассвет, что синей и белей
Ученической чистой тетрадки.

* * *

Ночевала тучка...
Лермонтов

Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад.
Бери перо любое наугад.

Большие дети неба и земли,
Здесь ночевали, спали журавли.

Остался пух. Остались перья те,
Что на земле видны и в темноте.

Да этот пруд в заброшенном саду,
Что лишь у птиц и неба на виду.

Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад.
Возьму перо любое наугад.

И напишу о маленьких синицах
И о больших взметающихся птицах.

И напишу, что сад синицу в руки
Взял, с журавлями белыми в разлуке.

Листвой сухой, седой расхлопотался.
Красавицей своей залюбовался.

Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад,
И пруд, и вся прорешливость оград.

Он не шепнет, как кто-то там иль сям,
Что журавли завидуют гусям.

Он знает сам, что каплями зари
В нем замелькают скоро снегири,

Что в ноябре в нем хрупко и светло,
От перистого инея бело...

МЕТАМОРФОЗЫ

Мир детства. Заборы и лужи.
Ручьев перекрученных прыть.
Я стал понимать его хуже
И лучше о нем говорить.
Но как я хочу разучиться
И в мире заведомом том
Тайком от людей воплотиться
В какой-нибудь старенький дом.
И влажно глядеть в переулок,
Листвой заслонясь, как рукой,
В какой-нибудь там Ащеулов
Иль Подколокольный какой.
И знала б одна только осень,
Что это ведь я под числом,
А вовсе не дом номер восемь,
Стою обреченный на слом.
А в час, как в иные строенья
Мои уезжали б жильцы,
Я им ни на миг настроенья
Не портил бы: мы не юнцы.

Мы дети отжившего века,
Старинные особняки
Для новых идей человека,
Наверно, не столь высоки.
Я просто, приветствуя силы,
У свежего рва на краю
Пропел бы им, как клавишины,
Прощальную песню свою...
Оранжевых листьев пиковки.
Сентябрь начинается с туза.
Я — старенький дом на Покровке.
Гляжу сквозь большие глаза.
Но, верный испытанным пробам,
Я тут же, почти не скорбя,
Бульдозером широколобым
Беспорно иду на себя.

* * *

Пластинка должна быть хрипящей,
Заигранной... Должен быть сад,
В акациях так шелестящий,
Как лет восемнадцать назад.

Должны быть большие сирени,
Султаны, туманы, дымки.
Со станции из-за деревьев
Должны доноситься гудки.

И чья-то раскрытая книга
Должна трепетать на столе,
Как будто в предчувствии мига,
Что все это канет во мгле.

* * *

На влажные планки ограды
Упав, золотые шары
Снопом намокают, не рады
Началу осенней поры.

«Ты любишь ли эту погоду,
Когда моросит, моросит
И желтое око на воду
Фонарь из-за веток косит?»

«Люблю. Что как в юности бредим,
Что дождиком пахнет пальто.
Люблю. Но уедем, уедем
Туда, где не знает никто».

И долго еще у забора,
Где каплют секунды в ушат,
Обрывки того разговора,
Как листья, шуршат и шуршат...

МОЛЕНИЕ О РАЗЛУКЕ

Пишу, а сам уже не понимаю,
Кого письмом нелепым донимаю,
Кому, зачем, о чем напоминаю.
Вы все смешались у меня в уме.

Еще чуть жив один последний абрис,
Но я забыл его обратный адрес.
Он так расплылся, этот абрис бедный,
Как бледный промельк чей-то в полутьме.

Я уходил — меня вы находили.
Я приходил — вы тотчас уходили.
Так, значит, что ж, разлуки все же были?
Ведь вы навзрыд холсты мои рублили,
Сбегали, плача от любви ко мне.

Я понимаю, это очень трудно —
Знать, что художник — это неподсудно.
И не ославит, и, что есть, оставит.
Ну разве что прославит...

«Но кого?

Ведь на ином московском вернисаже
Себя самой и не узнаешь даже,
А вся толпа опять вокруг него.

А где же дни, что были все короче,
А где же те промотанные ночи,
Невесть зачем проплаканные очи?
Бежать, бежать! Иначе кто кого...

Какое «испытанье на разрыв»?
Вы — на разрыв испытывали женщин,
Те, кто увенчан, и те, кто развенчан.
Как сладок был кратчайший перерыв.

Находят кольца.
А было — здание,
Твои оконца
И опоздания...
Но вот! У зданий
Арбата Нового
Вблизи блистаний
Кольца Садового,
Пройдя сквозь сырость
Древесной оголи,
Остановилась
Карета Гоголя.

Он спрыгнул, пряча
Себя в крылатку,
На ту — Собачью
Прошел Площадку.

Кто сел в карету?
Кто автодверцей
В минуту эту
Ударил с сердцем?
Кто, дав спасибо,
А не мерси,
Расстался с нею
Уже — с такси?

Ведь вот, послушай,
Какое дело,
Волной воздушной
И стих задело.
Где зона слома
И зона сноса,
Застряло слово
Полувопроса.
Полумашина,
Полукарета
Умчала отзвук
Полуответа.

Прощай, любимая!
В твоём обличье
Неуловимое
Есть что-то птичье,
Все улетающее,
Все ускользающее

Одна слеза еще,
В улыбке тающая,
И все? С обломками
Я за чертою.
С мечтой, с обмолвками,
Со всей тщетою.

Прощай, летящая,
Прическу путающая.

Все уходящее
Уходит в будущее.

ВЕНОК

Вот мы с тобой и развенчаны.
Время писать о любви...
Русая девочка, женщина,
Плакали те соловьи.

Пахнет водою на острове
Возле одной из церквей.
Там не признал этой росстани
Юный один соловей.

Слушаю в зарослях, зарослях,
Не позабыв ничего,
Как удивительно в паузах
Воздух поет за него.

Как он ликует божественно
Там, где у розовых верб
Тень твоя, милая женщина,
Нежно идет на ущерб.

Истина ненаказуема.
Ты указала между.
Я ни о чем не скажу ему,
Я ни о чем не скажу.

Видишь, за облак барашковый,
Тая, заплыл наконец
Твой васильковый, ромашковый
Неповторимый венец.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Хоть глазами памяти
Вновь тебя увижу,
Хоть во сне непрощенно
Подойду поближе.

В переулке узеньком
Повстречаю снова,
Да опять, как некогда,
Не скажу ни слова.

Были беды школьные,
Детские печали,
Были танцы бальные
В физкультурном зале.

Были сборы, лагеря
И серьез, и шалость.
Много снегом стаяло,
Много и осталось.

С первой парты девочка,
Как тебя забуду?
Что бы ты ни делала —
Становилась чудом.

Станешь перед картою —
Не урок, а сказка.
Мне волшебной палочкой
Кажется указка.

Ты бежишь, и лестница
Отвечает пеньем,
Будто мчишь по клавишам,
А не по ступеням.

Я копил слова твои,
Собирал улыбки
И на русском письменном
Допускал ошибки.

Я молчал на чтении
В роковой печали,
И моих родителей
В школу вызывали.

Я решал забыть тебя,
Принимал решение,
Полное великого
Самоотреченья.

Я его затверживал,
Взгляд косил на стены,
Только не выдерживал
С третьей перемены.

Помнишь, детский утренник
Для четвертых классов?
Как на нем от ревности
Не было мне спасу.

Как сидела в сумраке
От меня налево
На последнем действии
«Снежной королевы»,

Как потом на улице
Снег летит, робея,
Смелый от отчаянья
Подхожу к тебе я.

Снег морозный сыплется,
Руки обжигает,
Но, коснувшись щек моих,
Моментально тает.

Искорками инея
Вспыхивают косы.
Очи удивляются,
Задают вопросы.

Только что отвечу им,
Как все расскажу я?
Снег сгребаю валенком,
Слов не нахожу я.

Ах, не смог бы, чувствую,
Сочинить ответ свой,
Если б и оставили
На второе детство.

Если б и заставили,
Объяснить не в силе:
Ничего подобного
Мы не проходили.

В переулке кажется
Под пургой взметенной
Шубка горностаевой,
А берет — короной.

И бежишь ты в прошлое,
Не простясь со мною,
Королевна снежная
Сердце ледяное...

* * *

В дни, когда рано темнеет,
Сразу становится поздно.
Но тем не менее веет
Ранью. Туманно и звездно
Шел я. Менялась погода.
Жил, не считая мгновений.
Ждал я тебя, как прихода
Лучшего из вдохновений.
Вот и возникла, как завязь,
Ты — из любви и участия.
Вот и запел я, склоняясь
И улыбаясь от счастья.
Дерево к ночи синееет.
Листья качаются розно.
В дни, когда рано темнеет,
Сразу становится поздно.

МУРАВЕЙ

Извилист путь и долог.
Легко ли муравью
Сквозь тысячу иголок
Тащить одну свою?

А он, упрямец, тащит
Ее тропой рябой
И, видимо, таращит
Глаза перед собой.

И думает, уставший
Под ношею своей,
Как скажет самый старший,
Мудрейший муравей:

«Тащил, собой рискуя,
А вот, поди ж ты, смог.
Хорошую какую
Иголку приволок».

* * *

Теперь, когда уже не повторить,
Что повторялось многократно,
Лишь те слова осталось говорить,
Которых не возьмешь обратно.

И лишь с самим собой наедине,
Бывает, взмолишься беззвучно:
Остановись. Забудь. Вернись ко мне.
Мы начинали неразлучно.

ОБРАЩЕНИЕ

Я обращаюсь к тени удаленной,
Годами находящейся в отлучке,
Присутствием моим
не утомленной,
Не доведенной памятью до ручки.

Я обращаюсь к холоду и зною,
К любви я обращаюсь и к измене,
К словам с их лицевой стороною
И с подноготной.
Обращаюсь к тени.

Я лишь в одном сдаюсь тебе на милость,
Но даже в том не кланяюсь давно:
Услышь меня!
И — что б ни возомнилось —
Ответь.
Письмом ли, сном ли. Все равно.

Я обращаюсь к памяти бездонной,
Прошитой искрой инея. Пойми,
Я обращаюсь к совести бездонной,
Что, как река, вскипала за дверьми.

* * *

Художник выставял тела, плоды, ручьи,
Которые писал близнец не знаю где.
Он выдавал его картины за свои,
А сам его держал на хлебе и воде.

Легенда хороша... Она седьм-седа.
Плоды, ручьи, тела... Богиня хороша.
Но ради двух-трех слов восторга и суда
Как мается душа, как мается душа.

БЕССОННИЦА

Почему ты не спишь и глядишь в окно?
За окном никаких происшествий нет.
Только листья шумят, только дождь идет.
Ты кого-нибудь ждешь? Не придет никто.
Потому что все спят. Да и дождь прошел.
Даже мокрая бабочка в раме спит.
Отдохни, никаких происшествий нет.
За окном не горит ни одно окно.

Я не сплю потому, что не спит трава.
И влажнеет земля от большой росы.
И кузнечик задумался: может, встать
И оспорить какие-нибудь часы?
Я не сплю потому, что у всех застав
Отдыхают стволы от дневной жары.
Я не сплю потому, что не спит вода,
А куда-то бежит, как твои года...

* * *

Когда я после смерти вышел в город,
Был город послепраздничен и тих.
Я шел Манежем. Было ни души.
И так светло!..

Лишь ветер подметал,
Как дворник, конфетти и серпантин.
Дома стояли, ясно каменья.

Все было так привольно.

И тогда
Заметил я, что я уже могу
Идти сквозь все.

Я шел, не замечая
Дверей и комнат. Только к нам с тобой
Войти не мог. Хоть был карт-бланш,
Не мог...

Но площадь Пушкина...
Я удивляюсь.

Ты с мужем села около Него.
Я захотел купить тебе букетик...
Ты в Пушкина смотрела.

Я тогда
Подсел к тебе, как тень. Ты поглядела
Куда-то в воздух. Было ощущение,
Что ты глазами встретила со мной
И встала. И одна пошла к киоску.
Взяла букет в прозрачной оболочке
И полевых цветов один букет.
С травой. Зеленой. Белые цветы...
Я отошел — мы были не одни.
Боялся, как бы их не положила
К подножью памятника...

Я недолго
Шел вслед за вами,
Чтобы вас не мучить.

Ведь я же после смерти вышел в город.
А ты была жива. Цветы — твои.

* * *

Вспоминается первый ледок.
Вспоминается вечер без звезд.
Вспоминается колкий упрек
В том, что я удивительно прост.
Это может быть. Но почему
До того, как нашли вы меня,
Было так хорошо одному
На закате осеннего дня?
Я листву разменял на рубли.
Я капель разменял на гроши.
А всего-то хотелось — любви
Да единственной в мире души.

СНЕГ

О, я еще не изучил
Его манеры и повадки.
Он не такой, он старой складки.
Его никто не приручил.

О том, что где-то вас не ждут,
Он вам нашепчет без запинки.
И будет рисовать картинки,
Какие в голову взбредут...
И складывать свои снежинки.

Внезапно вздумает помочь
Тому, кто от безлюдья тужит,
Кому от темноты невмочь...
Вдруг выпадет. И обнаружит
Все, что хотела спрятать ночь.

* * *

Большой зимы строительный каркас.
Как церковь, блещет башен арматура,
И плотный снег лежит, слегка лучась...

Что Марианна делает сейчас?
Она ведь не абстрактная фигура.

Когда она по улице идет,
К ней, точно хлопья, взгляды прилипают.
Я понимаю их косою полет,
И как летят они, как отлетают.
Она неслышно вышла за порог,
На белый мох ступает под ветвями.
Летит, как вздох, от губ ее парок.
Я не могу поймать его губами.
Куда идет она?

Не все ль равно.

Она идет по свету — вот в чем дело!
На дерево взглянула — и оно
Уже не выглядит осиротело.
Сквозь чад, сквозь городское бытие
Ее ведет поющая тропинка.
И бриллиантик в перстне у нее,
Как на ветру застывшая слезинка.

По городу Машенька шла,
Узнав меня, вкось поглядела...
Такие уж, видно, дела.
Такое уж, видимо, дело.

Прощайте, и дни и часы
Доверчивости и опаски.
Нельзя! Но я выпью росы
За ваши Анютины глазки.

СИНИЕ ЛУЖИ

Марианна выходит из дома,
Осторожно на лужи глядит.
В них так ветрено и незнакомо
Все куда-то скользит и летит.

Угол дома, и желтая ветка,
И упавшая вниз синева.
Это все так красиво и редко,
Как забытые где-то слова.

В лужах кружатся птицы, и крыши,
И забытый кораблик детей...
И над всем этим чувство, что выше
Повседневных забот и затей.

Но хотя так легко и несложно
Возле этих зеркал отдохнуть —
«Мне действительно вас невозможно,
Невозможно не перешагнуть».

ВЗДОРНЫЙ ДЕД

Шел я Калининской областью,
В песню ловя тишину,
Нежной наполненный доблестью.
И оказался в плену.

Ягод на ветках мерцание.
Рай. Пересвист. Пересвет...
Вдруг поперек созерцания
Вырос огромный дед.

«Кто? И какая профессия?
И вообще почему?»

Я объяснился.

Превесело
Дед ухмыльнулся тому.

«Наше село не убогое.
Хоть и вдали от дорог,
Мы получаем тут многое.
Даже журнал «Огонек».

Пишете, пишете, пишете.
Чувствуется мастерство.
Но иногда вы не слышите
Вдруг ни того, ни сего.

Вот ты заехал на родину.
А если это слова?
Думаешь, только смородину
Ценит сия голова?»

И, наклонясь у смородины,
Вдруг сообщил этот дед:
«Нет никакой у нас родины,
Если в душе ее нет».

Дед в бородище и в тельнике
Молвил: «Идти, так идти!
Вон там изба моя в ельнике.
Но — на обратном пути.

На вот и черной смородины,
На вот и красной, поэт...
Нет никакой у нас родины,
Если в душе ее нет».

* * *

Черные ветки России
В белом, как небо, снегу.
Эти тропинки глухие
Я позабыть не смогу.

С веток в лесу безымянном
Падает маленький снег.
Там, в отдаленье туманном,
Тихо прошел человек.

А хочешь, и вовсе не буду.
А хочешь, совсем позабуду.
Но я позабыть не смогу.

Зачем ты большими ночами
Меня умоляешь лучами,
Чтоб я одинокие ночи
Провел на твоём берегу.

Мои одинокие ночи
Твоих, очевидно, короче,
Поскольку ни ночи, ни дня.
А знаешь, какие тропинки,
А знаешь, какие травинки,
А знаешь, какие созвездья
В России, у нас, у меня.

Твои одинокие очи,
Твои одинокие ночи,
Что вечно, взгляды, исчезают,
Не думаю, что наугад...
Летающие в вечную вечность,
В блистательную бесконечность,
Зачем же они ускользают,
Мой чистый по разуму брат.

* * *

По какой-нибудь малой вещице,
Что напомнит тебе обо мне,
Позапрошлое время потщится
Стать с сегодняшним днем наравне.
Ты заплачешь. Глубокая ива,
Окуная себя в серебро,
Сообщит тебе неторопливо,
Что былое не зло, а добро.

Что ее настоящая участь —
Утешительная красота,
А не выдуманная плакучесть,
Чем пустая душа занята.

Улыбнись сквозь сырые ресницы
Колыхающихся камышей,
Где последняя встреча приснится
Нам у зарослей и блиндажей.

Это время опять воплотится,
Хоть на миг, по звезде, по весне,
По какой-нибудь малой вещице,
Что напомнит тебе обо мне.

* * *

О, расскажи о том, что происходит,
Когда не происходит ничего.
Перелетела бабочка дорогу.
Мужчина с женщиной переглянулись.
Дом рухнул.
В этот дом вбежали шумно дети...

О, расскажи о том, что происходит,
Когда не происходит ничего.
Ведь это ты сквозь землю провалился.
Ведь это ты возник из-под земли
С горящими от новостей глазами.

Часы отстали. Площадь опоздала.
Застрял вперед ушедший переулок
В ближайшем будущем.
Найди его.

О, расскажи о том, что происходит,
Когда не происходит ничего.

* * *

Что-нибудь о России?
Стройках и молотье?..
Все у меня о России,
Даже когда о себе.

Я среди зелени сада
И среди засухи рос.
Мне непонятна отрада
Ваших бумажных берез.

Видел я, как выбивалась
Волга из малых болот.
Слышал, как песня певалась
И собиралась в поход.

Что-нибудь о России,
Стройках и молотье?..
Все у меня о России,
Даже когда о тебе.

* * *

Хотел бы я долгие годы
На родине милой прожить,
Любить ее светлые воды
И темные воды любить.

И степи, и всходы посева,
И лес, и наплывы в крови
Ее соловьиного гнева,
Ее журавлиной любви.

Но, видно, во мне и железо
Сидит, как осколок в коре,
Коль, детище нежного леса,
Я льну и к Магнитной горе.

Хочу я любовью неустной
Служить им до крайнего дня,
Как звездам, как девочке русой,
Которая возле меня.

* * *

На остановке автобусной,
В черном осеннем пальто...
Не понимаю я — что бы с ней
Связывало? Да ничто.

Так почему же по городу
Осенью, а не весной
Еду в обратную сторону
Я у нее за спиной.

Так отчего же, встревоженный,
Чувствуя косвенно взгляд,
На остановке непрошеной
Я выхожу наугад.

И в молодой неизвестности,
В лиственный канув обвал,
Долго шатаюсь по местности,
Где никогда не бывал.

Потому, что себя проверял,
Потому, что боялся...
Ничего не боялся,
Как тот, кто в живых не остался.

Я тебе не писал,
Каменья от этих раскопок:
С волгоградской земли
Увожу сталинградский осколок.

* * *

Мне будет вечно сниться дождь
И шум листвы у изголовья
Каких-то баснословных рощ
Безсчастья или безвековья.

Мне будет вечно сниться путь,
Скрывающийся за холмами,
Которым позабыл шагнуть,
Как снится детский сон о маме.

Мне будет вечно сниться дождь
С почти расплывшейся страницы
И то, как ты меня зовешь
И я встаю, мне будет сниться.

Там будут ветки ходуном
Ходить, мешая солнцу с тенью,
И тоже станут чьим-то сном...
Но будет в песне воскресенье!

Потомок, выстой под окном,
Домучься до стихотворенья.

* * *

Как вечернее стихотворенье
Все в деревьях и в галках на них,
Патриарших прудов откровенье,
Полупризрачных, полуземных.

Здесь на липах мудрят, опасаясь.
Чтоб не слишком осыпался снег,
Черно-серые птицы, стараясь,
Свой туманный устроить ночлег.

И какая-то стройная пара —
То вперед, то назад, без конца.
Отойдя от Тверского бульвара
Не дойдя до Большого кольца.

Потрясающа эта бездомность
При наличьи и стен, и дверей.
Потаенность ветвей и нескромность
Редких фар и ночных фонарей.

Не о Мастере и Маргарите,
Не об авторе даже самом,
Об одном: о Великой защите,
О масштабе ее мировом!

Рядом гул городского движенья.
А у них — тишина и звезда...
Это вечное стихотворенье
Не допишет никто никогда.

СОДЕРЖАНИЕ

«Какое большое счастье...»	3
«Вдали от всех парнасцов...»	3
«Спасибо, музыка, за то...»	4
Встреча	4
Ромашка	4
«Гербарий сырых тротуаров...»	5
«Ученический зимний рассвет...»	5
«Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад...»	6
Метаморфозы	7
«Пластинка должна быть хрипящей...»	8
«На влажные планки ограды...»	8
Моление о разлуке	9
Новоарбатская баллада	10
Венок	12
Первый снег	13
«В дни, когда рано темнеет...»	15
Муравей	15
«Теперь, когда уже не повторить...»	16
Обращение	16
Тепло	17
«Художник выставлял тела, плоды, ручки...»	18
Бессонница	18
«Когда я после смерти вышел в город...»	18
«Вспоминается первый ледок...»	19
Снег	20
«Большой зимы строительный каркас...»	20
Стихи Марианне	21
Синие лужи	22
Вздорный дед	22
«Черные ветки России...»	23
«Упаси меня от серебра...»	24
Космос. Позывные	24
«По какой-нибудь малой вещице...»	25
«О, расскажи о том, что происходит...»	26
«Что-нибудь о России?...»	26
«Хотел бы я долгие годы...»	27
«На остановке автобусной...»	27
«Куда ни посмотришь, везде...»	28
«Я тебе не писал...»	28
«Мне будет вечно сниться дождь...»	29
«Как вечернее стихотворенье...»	29

Владимир Николаевич СОКОЛОВ

ЛЮБОВЬ КАК ЛЮБОВЬ

Стихи

Редактор **Е. А. Антошкин**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 19.07.85. Подписано к печати 06.09.85. А 00395. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,47. Усл. кр.-отт. 1,58. Тираж 85 000 экз. Изд. № 2419. Заказ № 1222. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.